

С. А. Степанцов

«ЗМЕИНАЯ МУДРОСТЬ» В ПРОПОВЕДЯХ АВГУСТИНА 64 И 64 А

Шестнадцатый стих десятой главы Евангелия от Матфея рассматривается специально в двух проповедях Августина Гиппонского: 64 и 64 А (= Mai 20). Обе проповеди не имеют точной датировки, обе были произнесены, как ясно видно из их содержания, в день памяти мучеников, но при этом числятся среди экзегетических проповедей Августина, так как начинаются толкованием Мф 10:16: «Посылаю вас, как овец среди волков. Будьте просты, как голуби, и мудры, как змеи». Эти слова Христа в Евангелии обращены к его ученикам, Августин видит в них призыв ко всем христианам, а на мучеников, память которых праздновалась в день произнесения проповеди, указывает как на пример исполнивших это повеление о подражании голубям и змеям.

Объяснить сравнение с голубями Августину, как он сам говорит, легко. Мнение о простоте, незлобии голубей – действительно общее место христианской традиции. Августин в рассматриваемых проповедях, как и во множестве других случаев, говорит о том, что голуби – птицы мирные, между собой общительные, живут полюбовно, спорят беззлобно и даже дерутся без ярости, потому что у них нет желчи (*Sermo 64. 7*)¹. Доказательством мирности голубей для Августина может служить, в частности, и то, что они не убивают других животных, в отличие от многих прочих птиц, включая даже более мелких воробьев, не брезгующих насекомыми².

Иное дело змея. Это животное, уже в силу своей ядовитости, и значит, опасности, не может не вызывать у людей сильной неприязни, на что сам Августин указывает своим слушателям как на одну из проблем в толковании данного стиха: «Я опасюсь в змее ядовитости» (*Sermo 64. 5*). Более того, роль змея в повествовании об Адаме и Еве (Быт 3) крепко связала этот образ в христианской словесности с темной и злой силой (об этом Августин, впрочем, в рассматриваемых проповедях не говорит³).

¹ Последняя деталь (мнение об отсутствии желчи как начала гнева) воспроизводится у Августина неоднократно. Она восходит в христианской традиции к Оригену (у него заимствована Иеронимом, от которого и мог знать о ней Августин), у более древних писателей упоминаний об этом не известно. См. *Steier A. Taube // RE. 2. Reihe. 4. 1932. Sp. 2482*. Специально о символическом значении голубя у Августина см. статью: *Lau D. Columba // Augustinus-Lexikon. 1. Sp. 1069–1077*.

² *Simplices autem sicut columbas esse voluit ad nulli nocendum. Nam hoc genus avis nullum omnino animalium necat, non solum grandium contra quae vires non habet, sed etiam minutissimorum quibus etiam perparvi passerres aluntur. Est autem omnibus irrationalibus animantibus una quaedam inter se societas, sicut etiam rationalibus sua id est hominibus, non solum secum sed etiam cum Angelis. Discant ergo ex similitudine columbarum nulli prorsus nocere ad societatem suam pertinenti participatione rationis (Quaestiones septendecim in Evangelium secundum Matthaeum. 8).*

³ См. об этой роли змеи у Августина: *Solignac A. Le serpent du paradis // Bibliothèque augustinienne. Oeuvres de saint Augustin. Vol. 49. P. 553–555; Kelly J.F. The Devil in St. Augustine Genesis Commentaries // Studia Patristica. Vol. 33/16. Leuven, 1997. P. 119–124.*

Толкование затруднено еще и тем, что в рассматриваемых проповедях Августин имеет дело с таким текстом, в котором относящееся к змеям прилагательное *φρόνσις* греческого оригинала передается латинским *astuti*, а не *prudentes* (последнее нередко встречается у многих других толкователей Мф 10:16 и у самого Августина в некоторых других случаях). Слово *astutus*, как известно, может употребляться и часто употребляется с отрицательной коннотацией. В сочинениях Августина есть по меньшей мере два места, где он отстаивает (не совсем успешно) возможность понимания *astutus* без отрицательного оттенка в некоторых местах Писания, точнее, где он утверждает, что отрицательная коннотация – не непременно компонент семантики этого слова. Приведем эти места, которые любопытны для нас тем более, что в обоих случаях Мф 10:16 цитируется как пример употребления *astutus* в положительном смысле.

Первое место – в письме 167 (к Иерониму). Августин говорит здесь о том, что некоторые пороки с виду походят на добродетели, а не противостоят им во всем. Примером может служить *astutia*, у которой есть нечто общее с *prudentia*, в то время как прямой и полной противоположностью *prudentia* является *imprudentia*. Чтобы пояснить, что под *astutia* подразумевается здесь обычное отрицательное свойство, Августин говорит: *Nunc enim eam dico astutiam, quae usitatus in malitiosis intellegi et vocari solet; non sicut nostra loqui Scriptura consuevit, quae saepe astutiam in bono ponit: unde: Estote astuti ut serpentes; et illud: Ut et innocentibus det astutiam* (Притч 1:4). *Quamquam et apud illos Romanae linguae disertissimus dixerit: Neque illi tamen ad cavendum dolus, aut astutia deerant* (Sallust. Cat. 26. 2)⁴, *astutiam ponens in bono: sed apud illos rarissimum, apud nostros frequentissimum est* (Ep. 167. 2. 6).

Второе место – из экзегетического сочинения «О книге Бытия буквально». Здесь Августин (в связи с именованьем змея-искусителя *prudentissimus omnium bestiarum* в Быт 3:1) говорит о том, что слово *sapientia* может быть употреблено в отрицательном смысле, а *astutia* – в положительном только с отступлением от обычного употребления: *Abusione quippe nominis ita sapientia dicitur in malo, quemadmodum in bono astutia; cum proprie magisque usitate in latina duntaxat lingua sapientes laudabiliter appellentur, astuti autem male cordati intellegantur. Unde nonnulli, sicut in plerisque codicibus invenimus, ad usum latinae locutionis, non verbum, sed potius sententiam transferentes, astutiorem omnibus bestiis istum serpentem, quam sapienterem dicere maluerunt* (De Genesi ad litteram. 11. 2. 4).

Как бы то ни было, перед проповедником стояла задача показать такие примеры змеиной повадки, которые могли бы быть охарактеризованы как проявление *astutia* в хорошем смысле, т.е. как проворство и ловкость, а может быть, осмотрительность, проницательность и опасливость. Иными словами, эта *astutia* должна быть весьма близка к *prudentia*.

Знания о змеях, накопленные античной ученостью, огромны: достаточно прочесть одну только статью *Schlange* в RE. 2 Reihe. 3. 1921 (Sp. 494–557), чтобы убедиться, как много писали древние авторы о разновидностях змей, их свойствах и поведении. Одним из широко признанных свойств змей в целом была осторожность, умение избегать неблагоприятных обстоятельств. Некоторые толкователи справедливо указывали на то, что как раз это свойство мог иметь

⁴ Примечательно, что некоторые учебные издания Саллюстия и в Новейшее время указывали учащимся на необходимость понимать *astutia* в данном месте «Заговора Катилины» (где это слово употреблено по отношению к Цицерону) в положительном смысле.

в виду Христос, когда велел ученикам быть мудрыми (т.е. в данном случае благоразумными, осторожными, осмотрительными), как змеи. Так, Амвросий Медиоланский в толковании на Евангелие от Луки говорит (по поводу ехидн, упомянутых Иоанном Крестителем) о *prudencia naturalis* змей, в силу которой они различают полезное и добиваются его (*qui profutura videant et sponte deprecant* – Ambr. In Luc. 2. 27). Прямо о благоразумной осторожности в связи с Мф 10:16 Амвросий говорит в изъяснении псалма 36 (Ambr. Expl. ps. XII. 36. 10. 1).

Кстати сказать, и толкователи Нового времени, избегающие аллегорезы и стремящиеся к нахождению самого прямого смысла евангельских слов, тоже полагают, что качество змей, которые Христос выставляет для своих учеников предметом подражания, – это именно благоразумная осторожность. В качестве примера можно привести часть комментария к Мф 10:16 М. Фивейского в «Толковой Библии»: «Спаситель не говорит: будьте хитры, как лисицы, хитрость которых заключается в том, что они обманывают других; но как змеи, политика которых заключается в защите самих себя, а не в хитрости ради своей безопасности... Мы должны быть мудры настолько, чтобы не навлекать без нужды бедствий на свои головы»⁵.

Но Августину не достаточно было просто сказать об осторожности змей, об умении избегать опасности – да это было бы и нелепо в проповедях, посвященных не избегшим смерти мученикам. Вместо этого он прибегает к примеру поведения змей, который может быть истолкован не как показание об осторожности вообще, а как свидетельство осторожности, направленной на сохранение главного, существенно важного ценою второстепенного. Приведем цитату из проповеди 64 А, где используется только эта особенность поведения змей: «<Христос> учит нас быть хитрыми, как змеи, то есть остерегаться тех, кто может нам навредить. Но не сможешь ты остережешься того, кто пытается вредить, если не поймешь, чем тебе можно навредить... Пусть же посмотрят, как поступает змея, как она подставляет под удар вместо головы изгибы своего тела и тем самым силится сохранить голову, в которой, как она чувствует, находится ее жизнь; как она пренебрегает прочим, что составляет ее длину, чтобы голова не попала под удары нападающего. Итак, если хочешь подражать змеиной хитрости, храни свою голову. При этом написано: *Глава мужа – Христос* (1 Кор 11:13)... Подражая этой змеиной мудрости (так как глава мужа – Христос), мученики вместо Христа, как бы главы своей, выставили гонителям все, чем они владели смертно (*mortaliter*), чтобы не погубить той своей части, в которой была их жизнь. Они исполнили эту заповедь Господа, который учил подражать змеиной мудрости, чтобы другие полагали, что они потеряли голову, когда вышел приказ отсечь им голову, но чтобы сами они, по усечении телесной головы, сохранили в целости свою голову – Христа» (*Sermo 64 A. 2–3. – Перевод здесь и далее мой*).

Хотя в параллельном месте 64-й проповеди Августин преподносит такое же наблюдение над поведением змей как нечто доступное опыту всякого (см. ниже), нет сомнения, что оно воспринято из латинской экзегетической традиции. Корни такого толкования, вероятно, греческие, но встречается оно у всех крупных латинских экзегетов, чьими толкованиями Августин пользовался, например, у Илария Пиктавийского (In Matth. 11) и Иеронима (In Matth. ad vers. 10:17–18).

⁵ Толковая Библия. Т. 3. СПб., 1911. С. 201–203.

Близкое по смыслу рассуждение находим и у современника Августина – Гауденция (Gaudentii sermo 18. PL 20. 980–981).

В проповеди 64, однако, толкование этим не ограничивается. Здесь привлекается еще одно свойство змеи: сбрасывать старую кожу. Благодаря тому, что старая кожа легко связывается с идеей старения, ветхости, смену кожи у змеи Августину легко связать с «совлечением с себя ветхого человека», о котором говорит апостол Павел в Послании к Колоссянам (3:10)⁶. Но и это еще не все. Общеизвестно (и было известно в древности), что для сбрасывания старой кожи змеи проползают сквозь узкие проемы, например, между камнями, где и находят часто линовище. Этот проем, ведущий змею к обновлению, Августин сопоставляет с «тесными вратами» из Нагорной проповеди, «вводящими в жизнь». Змея оказывается уникальным символом, который позволяет объединить идею узкого пути праведников (в данном случае – мучеников) с идеей обновления жизни, которого последователь Христа достигает, по апостолу Павлу, оставляя позади ветхое и временное. Вот часть проповеди 64, в которой используются все перечисленные мотивы: «Не все в змее страшно. Есть в ней отталкивающее, есть и достойное подражания. Когда змея чувствует себя отягченной старостью и начинает ощущать бремя ветшания, она протискивается сквозь расщелину, снимает с себя старую одежду и вылезает обновленной. Подражай ей, христианин, если ты слышишь слова Христа: Входите узкими вратами (Мф 7:13). И апостол Павел говорит тебе: *Совлеките с себя ветхого человека и облекитесь в нового, созданного по Богу* (Кол 3:10). Значит, есть в чем подражать змее: нельзя умирать из-за ветхости. Кто умирает из-за какой-либо временной выгоды, тот умирает из-за ветхости. Но когда ты совлечешь с себя всю эту ветхость, тем самым окажешься подражателем змеиной мудрости. Подражай змее еще больше – охраняй свою голову. Что значит “охраняй свою голову”? Не отдавай Христа. Возможно, кто-нибудь из вас заметит, когда станет убивать змею, как она вместо головы подставляет под удары тело. Она не дает поразить себя в ту часть тела, где, как она знает, заключена ее жизнь. А наша жизнь – Христос (Ин 14:6). Послушай и апостола: *Глава мужа – Христос* (1 Кор 11:13). Поэтому кто охраняет в себе Христа, тот сохраняет вместо себя свою главу».

В таком экзегетическом использовании мотива сбрасывания змеей шкуры или хождения по узким местам у Августина, конечно, тоже были предшественники; были и современные ему толкователи, упоминавшие о том же в сходном контексте. Из предшественников назовем для примера Амвросия Медиоланского (Ambr. Exp. ps. XII. 37. 8), близкое толкование встречаем у Руфина Аквилейского (Ruf. De benedict. patr. Dan. 3). Но, как нам представляется, именно о 64-й проповеди Августина можно сказать, что она не только аккумулирует предлагавшиеся в разные времена разными авторами варианты осмысления образа змеи, но и сплетает их в такое единство, в котором каждая версия поддерживает другую, благодаря чему символ оказывается мотивированным многократно и многосторонне.

⁶ Заметим, что линяние змеи издревле воспринималось именно как омоложение. В греческом языке линовище так и называлось *γήρας* («старость», см., например: Arist. Hist. anim. 594b26). Поэтому для греческой экзегезы такое сопоставление было еще легче. Однако и латинские проповедники, кажется, готовы были употреблять слово *vetustas* едва ли не в таком же значении (Aug. En. ps. 66. 10: *Vetustatem nostram ad petram Christum conteramus*).

Добавим к этому, что все особенности змей, упомянутые в проповеди 64, кратко описаны в сочинении Августина «О семнадцати вопросах к Евангелию от Матфея» (с приведением тех же новозаветных параллелей)⁷. Однако сочетание названных здесь мотивов достигает особенной выразительности и убедительности именно в проповеди 64, потому что перед умственным взором слушателей те, кто уже явил идеальное подражание змеиной мудрости, – мученики. Это они сберегли свою главу, пожертвовав ради этого телом и земной жизнью. Это они совлекли с себя ветхость и обновили свою жизнь, ибо умерли не ради ветхой жизни. Это они прошли ради обновления узким путем, ибо какой же путь уже пути умерщвления.

Так, благодаря искусному использованию опыта латинской экзегезы идея змеиной мудрости, состоящая в готовности жертвовать телесным ради вечного и освобождаться от ветхой природы, входя через узкие врата, поднимается в проповеди 64 высоко над понятием житейской осторожности и бытового благоразумия.

Небесполезно было бы еще подумать над тем, почему Августин не использовал еще две возможности, уже реализованные латинской библейской экзегезой: не связал змей из Мф 10:16 со змеем Моисеевым (для христиан – символом Христа), как это делает Амвросий, следуя греческим образцам (Евр. ps. 118. 6. 15), и не провел параллель между извержением змеей яда и отвержением праведником злобы, как тот же Амвросий (Евр. ps. XII. 37. 8). Но тут мы перешли бы уже в сферу более зыбких гипотез.

«SNAKE WISDOM» IN St. AUGUSTINE'S SERMONS 64 AND 64 A

S. A. Stepantsov

Matthew 10:16 is the subject of two St. Augustine's sermons: 64 and 64A, dedicated to martyrs. Interpreting the precept to be «wise as snakes», Augustine uses three schemes already developed in Christian exegesis (Ambrose, Hilary of Poitiers and others). His originality consists in applying the schemes specifically to the martyrs: they sacrifice their bodies for the sake of their spiritual head, which is Christ (as snakes were believed to hide their heads under their tails when hit); they enter through the narrow gate of death (as snakes pass through narrow openings in order to get rid of their old skin); and as a result they receive new life (as snakes were believed to renew their youth after casting off their slough). Martyrs are therefore considered by Augustine to be an ideal embodiment of the «snake wisdom» thus understood.

⁷ *Estote ergo prudentes sicut serpentes ad cavendum malum in capite custodiendo, quod est Christus (cf. 1 Cor 11:3), nam serpens pro capite totum corpus obicit persequenti; vel quod per angustias se coartans vetere tunica exutus innovatur, quod imitantur quibus dictum est: Intrate per angustam portam (Mt 7:13), cum vetere homine exuuntur (cf. Col 3:9). Nam si cavendum malum ita moneret, ut violenter resistendum esset malis, non supra dixisset: Mitto vos sicut oves in medio luporum (Quaestiones septendecim in Ev. Matth. 8).*